

**Анализ динамики конструкций социальной памяти в немецком самосознании:
Холокост**

Научный руководитель – Чугров Сергей Владиславович

Коротецкая Любовь Валерьевна

Аспирант

Московский государственный институт международных отношений, Факультет
международной журналистики, Москва, Россия

E-mail: lkorotetskaya@gmail.com

Работа немецкого общества с травматическими событиями прошлого уже давно стала моделью для мемориальных культур многих стран, однако в самой Германии политика памяти и актуальный общественный дискурс о памяти постоянно находятся под прицелом критики и пересматриваются.

Сегодня Холокост трансформировался в универсальную модель травмы. Воспоминания о Холокосте не заменяются другими, но происходит процесс универсализации нарратива - концепция и словарный инструментарий Холокоста используются для артикуляции национальных травматических событий во всем мире [4].

После окончания Второй мировой войны, события Холокоста долгое время не становились предметом публичного дискурса. Травматизация с одной стороны и табуирование с другой воздвигли «двойную стену молчания» [1]. Игнорирование темы пережитых страданий и вины в Германии обозначается термином «коммуникативное замалчивание» [1]. Именно обоюдное молчание защищало бывших нацистов, дав возможность выстраивать в послевоенной ФРГ новую общественно-политическую систему. Более того, даже интеграция Западной Германии с Европой тоже во многом была достигнута за счет молчания о нацистских зверствах [6].

Лишь в начале 1960-х начались общественные дискуссии, толчком для которых послужил процесс над Адольфом Эйхманом в 1961 г. Протестное «поколение 68-ого года» выступило с обвинениями в адрес отцов, заложив основу современной немецкой мемориальной культуры.

В 1970-80-х годах мемориальный дискурс активно развивается: в Германии представители второго поколения обратились к судьбам своих родителей, современников национал-социализма, а потом фокус сместился на суть произошедших страшных событий и на положение жертв. Американский сериал «Холокост», показанный на немецких экранах в начале 1978 г., стал переломным моментом для немецкой памяти о Холокосте - состоялся акт сопереживания, в который были вовлечены все поколения [5].

В условиях трансформации нарратива возникает новый жанр текстов и воспоминаний о Холокосте - прямое свидетельствование - и новый актер - «выживший». Они создают прямую, тактильную связку с трагическим прошлым. Как только социальная и историческая роль жертв-свидетелей была закреплена, они заговорили о пережитом с экранов телевизоров и на радиоэфирах, согласились записывать свои рассказы. Общественное сознание поворачивается к жертвам, имеют место даже случаи ложной самоидентификации немцев с пострадавшими евреями [1].

Публичные коммеморативные акции в 70-80-ые годы подталкивают Германию дальше на пути обращения к прошлому в целом и институционализации памяти о Холокосте в частности [2].

В 1986-ом году в Германии эффект разорвавшейся бомбы имела публичная дискуссия, получившая название “спор историков”. Начало ему положил историк и философ Эрнст Нольте, который видел практики государственного террора СССР прологом для нацистских лагерей [3]. В оппозиции выступил социолог и философ Юрген Хабермас, который считал неприемлемой “историзацию Холокоста” и попытки таким образом снять с Германии историческую вину. Образовались два лагеря, которые на страницах популярных газет и журналов яростно нападали друг на друга. В интеллектуальной среде пришли к выводу, что дискуссия закончилась победой сторонников Ю. Хабермаса. Холокост окончательно закрепился в немецком национальном самосознании как учредительный миф.

Однако недовольство современной мемориальной культурой сегодня в Германии остро стоит на повестке дня [5]. С одной стороны, звучат призывы закрыть тему прошлого и сосредоточиться на будущем: никто в Германии уже не подвергает сомнению Холокост и страдания его жертв, пришло время идти дальше.

С другой стороны, живо критикуется ритуальная сторона вопроса: за государственной политической символикой и однообразными образовательными программами выхолащивается суть страшных воспоминаний - как теперь поддерживать живую память и интерес к теме Холокоста и преступлений нацизма, как сохранить потенциал мемориальной культуры? Кроме того, согласно аргументации «правых», подобные ритуалы никак не подкрепляют национальную идентичность в «позитивном» ключе [5].

Критика политической ритуальности Холокоста тесно связана и с диктатом политкорректности, когда нормативные речевые регуляторы ограничивают высказывающихся, исходя из неписаных правил и ценностей конкретного общества. С ориентацией на «сакральность» Холокоста выставляются речевые и смысловые табу, нарушение которых вызывает шквал критики. Именно события подобного рода, часто перерастающие в медийные скандалы, всегда являются поводом для реактуализации памяти, а также инструментом манипуляции и сведения счетов с политическими противниками.

Таких поводов в последнее время появляется все больше в связи с активной деятельностью стремительно набирающей очки ультраправой партии «Альтернатива для Германии». Один из ее лидеров Бьорн Хёке в своем недавнем выступлении назвал берлинский мемориал жертвам Холокоста «памятником позора»: вина за нацистские преступления немцам больше не близка, а потому необходимо развернуть государственную мемориальную политику на 180 градусов. Впоследствии под давлением СМИ и возмущенной общественности Хёке извинялся, объясняя, что имел в виду “памятник воспоминанию о позоре”, а не “позорный памятник”, однако история уже дала повод соперникам отметить, что «AfD показывает свое истинное лицо» [7].

В интеллектуальном и общественно-политическом дискурсе жертвы Холокоста по-прежнему занимают ключевое место, когда речь заходит о прошлом, в отличие от семейной памяти немцев, где Холокосту отведена незначительная роль. Однако меняющийся политический ландшафт, международное напряжение, приток большого количества беженцев в страну и риторика «правых» сил неизбежно оказывают влияние на социально-культурную конструкцию памяти о Холокосте - пластичную и не закрытую для новых

трактовок.

Источники и литература

- 1) Ассман А. Длинная тень прошлого. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- 2) Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать историю? // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство. 2011. С. 30 – 44.
- 3) Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46), май-август. С. 89-109.
- 4) Alexander J. C. Trauma. A social theory. Polity Press: Cambridge, 2012.
- 5) Assmann A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. C.H.Beck, 2013.
- 6) Lübke H. Ich entschuldige mich. Das neue politische Bussritual. Berlin, 2011.
- 7) www.welt.de